

ИНТЕРТЕКСТЕМЫ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ: ПОЭТИЧЕСКОЕ «ЕГО» В ДИАЛОГЕ С ДРУГИМИ ТЕКСТАМИ

В настоящее время интертекстуальность относится к числу наиболее разработанных и усиленно разрабатываемых аспектов лингвистического знания, см., в частности: [Интертекст... 2003; Кашкин 2010: 101-109]. Отдельную тему составляет необходимость учёта реминисценций при переводе поэтического текста с одного языка на другой, а точнее «с опыта на опыт, с литературы на литературу». «Сильный текст» почти никогда не существует сам по себе, он работает со всем полем ассоциаций той литературы, в которой он существует. <...> Хороший перевод – умение «двигать воздух». Заставить звучать в одном тексте целую литературу» [Нестеров 2010: 157, 162, 165]. Методологическая сложность интерпретации различного рода интертекстем (или, по другой терминологии, реминисценций) обусловлена феноменом расширения исследуемого объекта. Во-первых, в орбиту анализа наряду с интертекстемами втягиваются интердискурсы («следы» песенного, разговорного, медицинского, политического, научного дискурса и др.). Во-вторых, интертекстемы «вынужденно» рассматриваются в трёх плоскостях: а) как черта индивидуального стиля талантливой и весьма начитанной автора; б) как черта текста высокой пробы, претендующего стать классическим текстом; наконец, в) как знак своеобразия русскоязычного общения. О перманентной цитации русских как национальной черте характера (языковой личности) свидетельствуют подчас сами художники слова, писатели, в частности Сергей Есин. Наконец, расширение объекта происходит из-за «формального», количественного многообразия реминисценций, или интертекстем: от одного слова-намёка до непосредственной, прямой цитации фрагмента текста.

Всё сказанное хорошо иллюстрируется творчеством Беллы Ахмадулиной. Например, цитация: *«Буря мглою...»* и *баюшки-баю, / я повадилась жить, но, увя, / это я от войны погибаю / под угрюмым присмотром Уфы»* («Это я...»). И наоборот, специфику поэтического языка известнейшей поэтессы, стремившейся, как заметил один из почитателей поэтессы, Евгений Попов, «и о простом, и о сложном говорить всегда СЛОЖНО», целесообразно исследовать, памятуя, в том числе, и о сложном (точнее, многослойном!) феномене интертекстем.

Библейские интертекстемы в поэзии Беллы Ахмадулиной тонко завуалированы, что усиливает экспрессию намёка: *«Склонись ко мне, о ты, кто сорока / дней от роду мог успокоить старца»* («Род занятий»).

Песенный дискурс «врывается» в стихотворение, придавая ему и объём, и звучание, и перцепцию. *«Конь, мной воспетый и меня везущий, / тягается с воспетыми не мной, / пока, родной мой, вечно-однозвучный, / не от наслышки слышу голос твой»* («Милость пространства»). Ср.: Однозвучно гремит колокольчик, / И дорога пылится слегка... Строки стихотворения «Палец на губах» обыгрывают известный романс: «Не забудь потемнее на-

кидку / Кружева на головку надеть». *«У нас была игра: где потемней накидка? – / смеялась я, – пойду калитку отворю».*

«Околонуточная» ассоциация с упавшим яблоком и открытием закона всемирного тяготения возникает в стихотворении «Ночь упадания яблок»: *Со мной такого лета не бывало. / – Да и не будет! – слышу уверенье. / И вздрагиваю: яблоко упало, / на «не» – извне поставив ударенье*

У поэтессы встречаются реминисценции с детской поэзией. *«Вот крайний дом, не низок, не высок»* («Милость пространства»). *«В какое слово мысль ни окунём, / заря предстанет ясною строкою, / в конце которой гаснет огонёк / в селе, я улыбнулась, за рекою...»* («Род занятий»). Ср.: *«Домик над рекою, / В окнах огонёк, / Светлой полосой / На воду он лёг».*

Пушкинская поэзия претендует на почти постоянное, перманентное присутствие в стихах Беллы Ахмадулиной: *«...Когда опять усмешливо и тонко / мороз и солнце глянули в окно», «А вот и лошади запрягают в санки. / Коль ты велел – как можно не запретить?»* («Игры и шалости»). *«Любовь души моей, вдруг твой ослушник здесь / и смеет говорить: нет воли, нет покоя, – а счастье – точно есть. Это оно и есть* («Кофейный чёртик»). *«Предалась / не пушкинским, а беспризорным бесам»* («Род занятий»). *«День хочет быть – день скоро будет – есть / солнце-морозный, всё точь-в-точь: чудесный»* («Вослед 27 дню февраля»). Используется автором и прямое обращение к образу поэта наряду с трансформом цитаты «Октябрь уж наступил...»: *«Пушкин, октябрь наступил. / Сколько прохлады и блеска!»* («Сад ещё не облетал...»). В стихотворении «Мы начали вместе: рабочие, я и зима» есть и прямые параллели в пушкинской поэзии («Октябрь наступил. Стало Пушкина больше вокруг, / верней, только он и остался в уме и природе»), и скрытые интертексты: «Смеркается к смерти». В другом стихотворении: «Смеркается в пятом часу, а к пяти...». Если знать биографию Пушкина, то строки о времени, совпадающем с дуэлью поэта, звучат как упоминание о трагедии. По-пушкински звучит название сборника «Метель». Стихотворение «Я вас люблю, красавицы столетий...» целиком выстроено как реминисценция пушкинского стихотворения «Я вас любил...» О месте Пушкина в поэтическом языке Б. Ахмадулиной читаем в [Храмцова 1999а: 81-88; Храмцова 1999б: 41-44].

Наряду с Пушкиным, столь же интенсивно и любовно поэтесса цитирует Анну Ахматову, прибегая к самым разнообразным формам интертекстем. Это эпиграф к стихотворению «Строка», повторенный в самом стихотворении уже как прямая цитата: *...Дорога не скажу куда...* (строка из стихотворения А. Ахматовой «Приморский сонет»). Это обрисовка образа по фотографии с заключительным аккордом – открытием имени в конце: *Тогда она подтишет «Анна / Ахматова» и капнет точку.* Ср. также стихотворение «Я завидую ей – молодой...».

Стихотворение «Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет...» Беллы Ахмадулиной можно рассмотреть как проекцию на известное стихотворение Марины Цветаевой «Бабушке», при этом возникает объёмный художественный эффект: стихотворения в стихотворении. У М. Цветаевой: *«Тёмный, прямой и*

взыскательный взгляд. / Взгляд, к обороне готовый. / Юные женщины так не глядят. / Юная бабушка, кто вы?». У Б. Ахмадулиной: *«Люблю, как смотрит гневно и темно, / и как добра, и как жадна до боли. / Я улыбаюсь. Знаю, что – давно, / а думаю: давно ль и я, давно ли?...».*

Отдавая должное любимым образам, Белла Ахмадулина не ограничивает себя «биографией и поэзией» Пушкина, Ахматовой и Цветаевой.

Персонафера стихотворений поэтессы объёмна и многоцветна. Это Лермонтов и Жуковский («*А это что за гость? – Да это юный внук / Арсеньевой. – Какой? – Столыпиной...; Но что происходит? Кто мчится? Кто скачет?»*) (интертекстема из баллады В.А. Жуковского «Лесной царь» в стихотворении «Сад-всадник»). Это Булат Окуджава и Владимир Высоцкий, Пабло Неруда и пианист Генрих Нейгауз. Мы имеем в виду сейчас далеко не только стихотворения-посвящения. Иногда интертекстема обнаруживает себя всего по одному слову. Так, знаковое слово «февраль» становится интертекстемой, вызывая ассоциации с известной строкой Бориса Пастернака «*Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд...».*

Типичной чертой названий стихотворений поэтессы является... упоминание о феврале: «Февраль без снега», «Февраль» (сборник «Метель»); «Февральское полнолуние», «Вослед 27 дню февраля» (сборник «Тайна»). Автор использует приём олицетворения февраля: «*Мы оба тоскуем смертельно, / не выжить нам, брат мой февраль».* Тема февраля проникает во многие стихи поэтессы, причём, как и у Бориса Пастернака, приметой февраля становится грязь, смешанная со снегом, и эта грязь приобретает символическое значение: *Пришла и говорю: как нынешнему снегу / легко лететь с небес в угоду февралю, / так мне в угоду вам легко взойти на сцену. / Не верьте мне, когда я это говорю»* «*Мой голос, словно снег, вам упадет в ноги, / и он умрёт, как снег, и обратится в грязь*» («Взойти на сцену»).

Реминисценции распространяются на цветообозначения (колоративы). Один из любимых цветов поэтессы – синий. Кстати, в исследовании о синем цвете Мишеля Пастуро подчёркнуто положительное его восприятие: относительно самых нелюбимых цветов опрашиваемые реже всего упоминали синий цвет [Пастуро 2010: 239-297]. Стихотворение «Рассвет»: *вода синеет, выкрашены синью, зеркало синё.* И здесь же: *смотрю на синий томик Мандельштама.* В стихотворении «День 12 марта» просматривается есенинская интертекстема: *Нельзя сказать: каков был цвет. Но цвет / чуть-чуть был розовой, чем несказанность»* (ср. «Несказанное, синее, нежное»).

Исследуя поэтическое творчество Беллы Ахмадулиной, мы сталкиваемся с феноменом эстафеты интертекстем: выстраивая образ Гамлета, Борис Пастернак обращается к известному библеизму: «*Да минует меня чаша сия»*, а повествуя о муках сценического выступления, Белла Ахмадулина обращается едва ли не к гамлетовской теме выбора: *Я знаю, как грозен мой выбор, / когда восхожу на помост»* («Предутренний час драгоценный...»).

Всё вышеизложенное позволяет сделать как минимум два вывода.

1. Талантливые поэты (а Белла Ахмадулина, безусловно, принадлежит к числу исключительно талантливых, не побоимся этого слова – гениальных

поэтов!) обогащают язык не только за счёт собственного языкотворчества, но и за счёт приёмов интертекстуальности, реминисценций других поэтов, во-первых, упрочивая статус крылатых слов, то есть напоминая о них и подпихывая их новыми ассоциативными смыслами, во-вторых, переводя части строк, строки и даже строфы в ранг крылатых.

2. Талантливые поэты потому часто, легко, свободно и охотно апеллируют к интертекстам, что собственный образ языка ими уже создан, поэтому описывать и систематизировать авторские реминисценции целесообразно в единстве с уникальными художественно-языковыми достижениями самих поэтов, понимая, что, прочерчивая связи с национальной поэзией и культурой (прежде всего – национальной!), поэт вступает в творческий диалог с целой системой текстов, осознавая своё собственное достойное место в этой системе.

Литература

1. Ахмадулина Белла. Тайна. Новые стихи. – М.: Советский писатель, 1983. – 128 с.
2. Ахмадулина Б.А. Метель. – М.: Советский писатель, 1977. – 104 с.
3. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов междунаrodn. научн. конф. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – 701 с.
4. Кашкин В.Б. Интертекстуальность и дискурс // Введение в теорию дискурса: М.: Восточная книга, 2010. – С. 101-109.
3. Нестеров Антон. Поэзия и стереометрия, или Перевод как воля и представление // Иностранная литература, 2010, № 12. – С. 144-165.
4. Пастуро Мишель. Синий. История цвета. Фрагменты книги // Иностранная литература, 2010, № 4. – С. 239-297.
5. Храмцова М.И. Пушкин в поэтическом языке Беллы Ахмадулиной // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 1. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1999а. – С. 81-88.
6. Храмцова М.И. Пушкинские реминисценции в лирике Б. Ахмадулиной // Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте. – СПб.: РГГМУ, 1999б. – С. 41-44.

О.М. Черкашина, Т.А. Антонова, М.И. Елагина

ПРИНЦИПЫ РЕШЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

На основе ТРИЗ можно сформулировать советы – принципы решения математических задач, которые могут помочь избежать многих ошибок и подсказать, как найти решение.

Принцип отсроченного действия. После прочтения задачи первое желание, которое возникает – это не решать ее, т е пойти на поводу у этого желания, повременить с преобразованиями и другими действиями. Возможно, именно в этот момент можно подметить полезную закономерность. Если данный этап не принес плодов, то можно попытаться найти область определения или хотя бы некоторое множество ее содержащее.

Пример 1. Решить уравнение: $\sqrt{x^2 - 4x + 3} + \sqrt{-x^2 + 3x - 2} = \sqrt{x^2 - x}$.